Никак нельзя сказать, что Шаос успела пресытиться классическими развлечениями с мужчинами - нет, они по прежнему приносят ей весьма яркие ощущения. Заставляют трепетать её больное сердечко, трястись коротенькие ножки и сладко стонать от боли и наслаждения, но секс со свиньями… Он всегда какой-то особенный. Дело ли в необычном строении их члена, обычно не вызывающем сильной боли, но продуцирующим обильное количество семени? Или в том, что это необузданный и сильно превосходящий её по массе зверь, в своей страсти способный её искалечить или же попросту раздавить? А быть может и из-за того, что их никто не любит. Что за ними твёрдо закрепилась репутация существ грязных и годящихся лишь на то, чтобы быть забитыми на мясо. И если она ложится под такую - то это автоматически делает её ещё более мерзкой тварью по сравнению с ними… А эта голубоволосая показушница такое любит…

И сейчас ей снова предстояло заняться этим. Лечь под тощего, напуганно визжащего хряка, особенно отвратительного из-за множества прыщей и воспалившихся шрамов. На сильно натянутой вверх верёвке, его пинками вывели в сторону также вздёрнутой за ошейник дамианки, уже смиренно дожидавшейся его снаружи.

Но ей не хотелось этого делать. Н-нет, ради кого-нибудь другого… да хер с ним, даже ради того, чтобы заслужить их расположение, она бы согласилась устроить им подобное представление, но Шаос понимала: если она от него забеременеет, то жизнь её превратится в непробудный кошмар. Они не оставят её в покое: она будет вынуждена рожать им еду одним бесконечным потоком …

Но у неё была надежда: она ещё не успела восстановиться. Связки были растянуты, а только-только опустошившаяся матка всё ещё показывалась промеж расходящихся в стороны половых губ. В таком состоянии она могла не принять его семя, а поэтому на какое-то время, но это их запутает!

- Давай, что встала? Щас мы вас поженим! - Дамианку дёрнули за пристёгнутую к ошейнику цепь. И она, сделав несколько неуверенных шагов по деревянному настилу, растянулась, пав на четвереньки. Так что остальной путь ей пришлось проделать на коленях, пока её не стащили на голую землю и прямо за цепь не вывернули к свину задом.

Толпа. Трое верзил, сама матушка Фагренда и с десяток других любопытных наблюдателей, которых не хотели пускать в подвал с едой. И в центре этого круга - Шаос и тот длинноногий, тощий свинтус, строением тела больше походящий на собаку, чем на свинью.

- Похрюкай, девочка! Не видишь, что твой муженёк волнуется? Успокой его!

Свина снова пнули. Прямо примяли его задницу ногой, заставили пригнуться на задних ногах и подойти ближе к стоящей на четвереньках ехидне - такой, блин, маленькой и сытенькой по сравнению с этим животным. Мягонькой!..

Понимал ли он прямо сейчас то, чего от него хотели? Сказать трудно, но он был вынужден пропустить девушку меж передних ног, легонько оцарапывая её нежные бока корявыми

копытцами.

- У-уу-уф… - Простонала Шаос, когда зверь оставил на её коже две длинные царапины. И вновь засопела, когда копыта оказались закинуты ей на плечи - именно так, по особому, как это делают четвероногие животные для того, чтобы удержать под собой самку.

Скрюченный в три погибели, он оттопырил назад свою задницу и навалился на ехидну всей массой своего тела!..

- Г-глупый! - В голосе её прозвучали нотки вины, будто бы она перед ним за это извинялась. - Ты не собака! Я тебя не выделзу!..

И под хохот множественных наблюдателей руки её подогнулись. Локти сложились и девушка, издав миловидный писк, растянулась на земле с удобно оттопыренной вверх попкой. Едва не раздавленная и сильно напуганная!..

А потом он вошёл. Понял же, чертяка, что нужно делать и что это находится под ним такое - его винтообразный член прямо на глазах удлинился и ловко вонзился в блестящий бублик её маточного кольца, ещё не успевший полностью ввернуться обратно.

- Уф… У-у-уф… Уф!..

Тонкий пружинистый жгутик плоти заскользил внутри неё. Неразумный зверь топтался, переступал ближе и ближе по мере того, как погружался всё глубже внутрь этой похотливой девки, совал - пока лезло! Пока было что совать! Пока корень его члена не прилип к гладкой слизистой вывернутой наружу матки и Шаос не дёрнулась вперёд, с икотой приняв в себя полную длину свиного члена.

Это… было необычно. Когда он начал двигаться, то ехидна скосила брови. Сопя и поскуливая, переступила по земле голыми коленями и пыталась сопротивиться давящей на её рёбра массе. С силою упёрлась локтями, но больно… сильной боли н-не было. Его член как бы комкался внутри неё. Тыкался в верхнюю часть её матки, тянул её, но скручивался и елозил уже по всем стенкам подряд. Ползал внутри, как какой-то червь. Лип к влажной слизистой, цеплялся за неё!.. Однако же основные ощущения она получала именно за счёт своего кервикса.

Ох… Этот мясистый бублик плотно сжимал свиной писюн. Стискивал его, будто бы старался его передавить, а-аааах, из-за чего Шаос могла прочувствовать каждое зёрнышко… каждую шероховатость этого органа! Как он скрёбся о неё. Как влажный конец вылезал из неё и заходил обратно, тщательно счищая с себя её смазку! Смазку, которая каплями стекала сперва по её маточному кольцу, а потом - вниз, по голой киске и длинными тягучими каплями падала вниз.

Это сносило голову. Заставляло мысли кипеть неудержимой страстью, глотать слюну. Давиться ею и чувствовать вкус грязи выпавшим изо рта языком. Она… она, стиснув веки, издала долгий

стон и расслабила руки, позволяя зверю прижать её к земле и начать долбить с особым упорством. Тяпать её мокрой киской, пихая пружину члена внутрь её маленькой матки!

Она не выдержала. И хоть того и не хотела - кончила.

Нет… Ей нельзя было! Нельзя было отдаваться этой страсти! Она должна была оставаться в сознании, должна была сопротивляться! Любым способом, но она должна была избежать беременности! Не позволить свиному семени слиться с её яйцеклетками и не дать им прирасти к стенкам её матки! Каким угодно способом - но не позволить!..

Каким угодно… Только вот каким? Напрячь какие-то особые мускулы? Произнести заклинание? Шаос не знала. И обида от осознания собственной никчёмности вновь сдавила ей сердце, вытесняя с глаз новую волну слёз. Не той рефлекторной сырости, что будто бы сама течет с глаз от боли и переизбытка чувств, а горьких, навзрыд выдавливаемых наружу капель.

Она всхлипывала в голос, пока огромный, уродливый зверь седлал её сзади. Держал копыта на её плечах и, изрыгая с перекорёженной морды ей прямо в лицо горячий, смрадно пахнущий воздух, скрючивался дугой. Он драл её с особых старанием. Касался языком взъерошенной копны голубых волос, капал слюной на затылок. Повизгивал и вздрагивал! Лип морщинистой кожей брюха к горячей спине дамианки. А от перенапряжения мускул даже лопнуло несколько особенно зрелых прыщей на его спине, начав сочиться желтоватым гноем.

- Г-госпоза, п-плосу… не дай… не дай мне!..

С… снова! Снова она ощутила, как свело в судороге её нутро и как она, закрыв глаза от неудержимых ощущений, вытянула шею, в экстазе задирая голову вверх!.. И как свин наклонился к ней и сунул свой вонючий язык ей прямо в рот. А она - приняла его. Присосалась в подобии поцелуя и кое-как вывернула руку, чтобы обнять его за щеку! Придержать!…

И в этот миг - он кончил. Горячей струёй семя брызнуло сквозь тонкую дырочку на концу впихнутой в нутро Шаос пружины. Как бы развернуло её, заставило выпрямиться внутри тесного грушевидного органа и щедро оросило собой её стенки. Сначала - стенки, а после начало нещадно наполнять весь предоставленный ему объём, куда входили и её ненасытные яичники. Девушка прямо остро почувствовала, как жидкость ударила в эти отростки. Как наполнила их, заставила разбухнуть!..

Но кончать свин не перестал. И, продолжая иметь девку остаточными усилиями, впрыскивал в неё новые и новые порции семени, чем уже раздувал её пухленький животик, скрадывая на нём складочки и делая кожу гладкой, плотно натянутой.

- Только не в этот… л-лаз!.. - Простонала Шаос прямо в свиной язык… и пала на землю, полностью освобождённая зверем - он так гладко выскользнул из неё, что вслед за его стелящимся на землю писюном вырвалось всего лишь несколько капель липкого семени. Остальное же - осталось внутри, в её матке.

Бесово семя… Но когда всё свершилось - она прямо заслужила овации от двух из мужчин. Они залились смехом и похлопали ей, пока третий начал бороться с желающим сбежать свинтусом!… Сукин сын рвался на волю, как больной, а поэтому его, ради успокоения, пришлось пару раз приложить камнем. И ещё несколько раз - чтобы больше не дёргался. Ему разбили череп прямо в каком-то метре от жадно глотающей воздух и бесконечно ноющей себе что-то под нос ехидны.

- Ну и зачем ты это сделал, больной ты ублюдок? - Спросила его матушка, когда мужчина с довольной улыбкой начал отирать кровавые руки о штаны. - Хорошо, наделаем с него сосисок. Эта же тварь…

Женщина завела ногу под влажное бедро Шаос - влажное от её выделений и от лениво тянущегося наружу семени - и потянула её вверх, чем перевернула дамианку на спину.

- Он ей всё пузо надул. - Гыгыкнул опалённый. - И что она теперь? Свинюшек нам родит?

"Вполне вероятно" - подумала матушка Фагренда, но мысли свои не озвучила. Сложила на груди руки и начала наблюдать, поглядывая то на её метку, то - на измученное лицо девки. Пленница была напугана. И также смотрела на свою метку, боясь даже взгляда с неё свести - а значило это то, что матушка, скорее всего, была права. Между свечением и осеменением имелась прямая связь…

Что же… вот только время шло. Всхлипы этой сучки становились всё реже. Ужас и волнение в её глазах уходили, сменяясь сомнением и, тьфу ты, надеждой. Она даже стала сама бросать ответные взгляды - мол, видишь? Ничего не произошло… Вы зря только время переводили!…

- Матушка?.. - Начали уставать даже её сыновья - всё слишком затягивалось и становилось неинтересным. - Что дальше-то делать?

Метка не загоралась… Хотя уже должна была!.. Должна была - Шаос это знала! И если к этому времени она ещё не загорелась, то у неё были все шансы на то, что в этот раз её "пронесёт". Она физически была не готова к тому, чтобы начать взращивать новое потомство!..

- Вот же паскуда. Возможно, она умеет это каким-то образом контролировать. Сука. - Ехидна покорно приняла пахнущий луком плевок, что растёкся по её излишне пухловатой груди. Не спорила. Не жаловалась. Не убеждала в бесполезности их действий. - У кого-нибудь есть пустая бутылка?

Да. У кого-то из младшего поколения отыскалась одна. Литровая. И тогда матушка, с недовольными оханьями и жалобами на больную спину, присела напротив Шаос и…

- Вы, двое. Придержите её за плечи, чтобы не дёргалась.

О, да. Лиза поняла, что собиралась сделать эта женщина. С малой вероятностью - разбить ей голову. С большей… С большей - к её вывернутой матке приставили горлышко сосуда. Взялись за скользкий, покрытый смазкой и свиным семенем орган руками и, удерживая его неподвижным - с лёгкими покручиваниями ввели инородный предмет в её кервикс.

- А-аф!.. - Проскулила ехидна, пока обвивала руками плечи удерживающих её мужчин. И прям чуть было не проронила измученный смешок при виде того, как её животику стало легче, а излишки спермы хлынули в пустой сосуд. В любой другой ситуации её бы это порадовало. Она бы даже, скаля зубки, не постеснялась бы эту бутылочку попросить, чтобы "на спор" предложить оттуда отхлебнуть…

- Заставляет старуху тут… Чё скалишься, сука?!

Её не отпускали. По прежнему не отпускали, а эта злобная карга опасно встала возле её раскинутых ног, куда было вставлено горлышко большой бу…

Поздно. Осознание пришло уже после того, как старуха занесла для удара ногу и со всей своей далеко не старушечьей мощью пнула её в донышко, целиком загоняя и матку, и литрового размера сосуд в живот этой полукровки. Шаос икнула, пустила изо рта пену и обмякла всем телом - горлышко выперло поверх её рёбер, а донышко едва-едва показывало грань в глубине мелкой, но сильно развороченной пи*ёнки.

- Несите её в подвал и отмудохайте хорошенько. Выбейте зубы, сломайте пару рёбер - неважно. Лишь бы эта дрянь выжила. И не разбейте бутылку - пусть промаринуется, как следует. Если решите её отодрать - не забудьте вставить её обратно. Она у меня ещё пожалеет, что жива осталась.

http://erolate.com/book/412/82509